

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Александр Зайцев

ТЕКТОНИКА

Александр Зайцев

Тектоника: рассказы

НП «Центр современной литературы»

Зайцев А. А.

Тектоника: рассказы / А. А. Зайцев — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-093-8

Александр Зайцев представляет и мыслит. Одно из главных свойств его прозы — герои не глупее автора. Среди персонажей часто угадывается лирический герой — автор не только в курсе его мыслей и мотиваций, но иногда и по-особенному жёсток к нему. С другими — деликатнее. Вообще — автор отчетливо относится к своим героям как к живым людям. Это отнюдь не фигуры в шахматной партии замысла. Леонид Костюков

ISBN 978-5-91627-093-8

© Зайцев А. А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Одна любовь	6
Тектоника	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Зайцев

Тектоника Рассказы

тектоника (от греч. tektonikós – строительный, плотничий)

I. Раздел геологии, изучающий строение земной коры в связи с её движениями и деформациями; геотектоника.

II. 1. Строение какого-либо участка земной коры. 2. Процессы, происходящие в земной коре.

III. Особенности взаимного расположения частей здания, сооружения и соотношения его форм и пропорций; архитектуроника.

(Из словаря)

Одна любовь

Двадцатидевятилетний мужчина сидит за столиком в Итальянском кафе на Чистопрудном бульваре. Зачем он сюда завернул? Такие названия немного раздражают. Настоящие итальянские кафе находятся в Италии, не так ли. За окном кусок подмороженной улицы, люди, дома, деревья. Верхние ветви лежат на своих местах в синем небе. Все, как и должно быть – ноябрь.

Странно, что он, Максим, сидит за столиком в этом сверхдорогом, неоправданно дорогим кафе, где ни одна вещь не стоит тех денег, которые за нее берут (вы можете называть свое кафе как угодно). Вернее, все нормально: сидит себе человек – прилично одет – ест тирамису (итальянское пирожное, приготовленное в Подмосковье), сладкий брусочек – триста рублей, пьет кофе – ну, положим, вкусный, но двести пятьдесят рублей за далеко не бездонную чашку просто хорошего кофе, и ничем не привлекает к себе внимания. Вот только если знакомый зайдет – будет странно: «Как: ты? Здесь?..»

Придется придумать, наверное, что он кого-то ждет. Или, что надо встретиться с другом – недалеко, в двух минутах ходьбы. Забежал перекусить – а то заморить червячка за весь день времени не нашлось. Да, у него встреча с кем-то близким, в двух минутах ходьбы отсюда, чтобы купить еще кое-чего к столу, за которым вечером соберется целая толпа... А как же иначе? Максим не может быть просто один в такой день... Ему надо будет изобразить торопливость, радостную агитацию, посмотреть на часы, быстро допить кофе, оглядываясь в поисках официанта, недоест пирожное, расплатиться, сказать «ну, мне пора... сам (или сама) понимаешь»...

«Конечно», ответит Максиму знакомый или знакомая. «Беги праздновать. И еще раз – с днем рождения»...

Вот, вступил в воображаемый разговор ...

А так – все спокойно. Через полчаса он станет на год старше. Интересно, что может случиться?

Разве что войдет девушка. Раскроет створки дверей, создаст на мгновение клубы пара. Оглядится. Так. (Он мельком оглядит ее.) Она в беличьей шубе до пят (фигура еще не понятна, очевидны только стать и рост примерно метр семьдесят), довольно большая кожаная сумка через плечо (сейчас такие модны) и шляпка – внимание – с вуалью! Он уже мысленно наговорил ей грубостей (грубых колкостей) насчет шляпки. Всё мысленно. Эти черные узелки на вуалях – он вспомнил о воронах, виденных на бульваре: они сеткой садились на кроны...

А девушка осмотрелась и подходит – леденящее чувство – (что ей надо?.. он ее знает?..) – и вроде бы недовольно спрашивает:

– Может быть, это с вами я должна сегодня встретиться?

Такого развития событий Максим не допустил бы даже во сне. Даже испуг исчез. Что за «Мастер и Маргарита»?

– Ну, мне так и стоять? Или уйти? – она сняла шляпку с вуалью, открылось изумительное лицо с серо-голубыми глазами, и он понял, что если сейчас не разрешит ей сесть, она заплачет, и опять испугался.

– Садитесь, конечно, – он встает, помогает ей освободиться от шубы (оценивает фигуру – «блестяще!»), вешает шубу на вешалку; возясь рядом с девушкой, чувствует, что кожа ее щек, губ, век охлаждена, восхитительно охлаждена уличным воздухом...

– Я должна была встретиться с одним на «Третьяковской». Но он не пришел, – сообщает она, деловито извлекая из сумки косметические мелочи и раскладывая их на столе. – Или я не туда приехала? Станция метро «Третьяковская» – это ведь тоже оранжевая ветка?

– Да.

– Хотя – какая теперь разница? – она хмыкает, оглядывая себя в зеркальце.

– И вправду, – говорит Максим. И смеется.

Потом начинается период ресторанов, цветов и кафе, коротких прогулок по морозу и провожаний ее до подъезда многоквартирного дома.

В тот первый день он не сказал ей о дне рождения, и позже придумал историю, заготовил «на случай»: если она поймет как-нибудь, что встретились они на его тридцатилетие, и спросит, не собирался ли он отпраздновать эту круглую дату, он ответит, что да, собирался, но с ее появлением забыл обо всем, вернее, не забыл, конечно, а просто не поехал в ресторан, где поджидали друзья, предпочел бродить с нею по морозным улицам. Плохо придумывать ложь там, где, как ты решил, все уже идет по-настоящему и «блины комом» закончились; она – тоже, конечно, не идеал, но и он, и он – человек тяжеловатый, так что, куда же без юмора даже в «настоящем», говорит он себе, слушая, как три недели спустя Милена (дурацкое имя! – только бы не ляпнуть!) в очередном кафе характеризует свою сумку:

– Безразмерная. Знаешь, как называется?.. Модель «От гондона до батона».

Он немного медлит, потом начинает безудержно смеяться. Посетители кафе оборачиваются. Она улыбается, не спуская с него цепкого голубовато-серого взгляда.

Она... и грубые шутки в общественном месте... безумная... но ему нравится... Тут он понял: такая ему всегда и была нужна.

Не путать с эксцентричностью, удобной для прикрытия убожества. Милена не дура, нет, далеко не дура. Пример. Он недавно совсем обнаружил книги Фриша и очень возгордился своим новым знанием, особенно, когда выяснил – девяносто восемь процентов из его «ученого» окружения Фриша не читали, и как-то щегольнул перед Миленой парой историй из «Гантенбайна», на что она, не перебивая, после того, как он их рассказал, выдала:

– Из этой книги мне запомнился пассаж, – и, не прикрывая глаз, без интонаций, процитировала, будто прочла строки на его лице: – «Это как провалиться сквозь зеркало, больше ты ничего не помнишь, провалиться как сквозь все зеркала, а потом вскоре мир снова складывается воедино, словно ничего не было. Ничего и не было».

Максим смотрит на нее почти испуганно.

– У меня мама – корректор. Я даже иногда помогаю ей вычитывать тексты. Это семейное.

...

Итак, он может ею гордиться. Может идти по улице, она прижимается к его плечу, и все (ну, многие) оборачиваются. Может материться вместе с нею, а потом цитировать Фриша. Может... Да, надо познакомиться с мамой.

Милена – своя в доску, простая, интеллигентная по-настоящему и – красивая. На что он точно никогда не рассчитывал. Сопоставима с его матерью в молодости... Стоп. Прочь, неудобные мысли. Назад, в тайник.

Но вот смотри: ты же не дурак. Вот подумай: что ты для нее? Чем ты ее?.. Необычное знакомство опустим. Случайность... то есть, их же нет... Ты в Бога веришь? Еще один неудобный вопрос с невнятным ответом. Вернее, так, Максимушка: поспеши заверить себя – верю, верю, конечно, верю. Аминь.

Смотри: тебе невозможно уже иногда с собой – держись ее хотя бы для того, чтобы она тебя вытянула – а потом, когда снова обретешь уверенность, оглядишься – тогда и придумаешь удобное прошлое. Обыграешь вашу удивительную встречу и так далее. Найдешь во всем смысл. Упорядочишь хаос. ...Да-а, ты уже тяжел сам для себя.

Тебе хорошо и мирно только при раннем пробуждении – свежим утром, голова пуста, мысли не успели в нее затечь, идешь, расслабленно, босыми ногами, в кухню и варишь кофе. Идешь и варишь кофе. И нет мыслей. Рай. Такие уверенные движения, всё на своих местах, всё правильно – как оно ощущалось в девятнадцать – теперь лишь при варке кофе. Иногда, в порядке исключения, это длится даже до выхода на улицу.

Ее мама не замедлила пригласить. Только если хочешь, сказала Милена. Они тут недавно выпили, шутили, она шутила насчет мамы, что ему ни в коем случае не надо с ней знакомиться – надо просто трахнуть ее, Милену, и бросить, как он, верно, делал со всеми прежними, он шутил, что он не просто хочет знакомства с мамой, о нет, он готов завтра на Милене жениться – правда – хоть завтра... Он (случайно) как-то искренно это сказал...

– Лучше не бросаться обещаниями. А десять раз все обдумать и взвесить, – неожиданно строго произносит Милена. (И медленно закрывает глаза, и медленно распахивает, как его мать.)

– А я серьезно – завтра б на тебе женился, – он пытается вернуть шутку в шутку.

Пауза.

– Ну и мудака, – говорит она, выдерживает еще паузу (он опешил), но через несколько пульсирующих секунд начинает ухмыляться, заразительно похохатывать, и он вслед за ней, громче и громче, и вот уже эта парочка за столиком у окна привлекает внимание буйным весельем – по характеру смеха понятно – влюбленные.

Были вещи, которых они в разговорах не касались. Он чувствовал – не надо спрашивать о том, с кем она должна была встретиться на «Третьяковской», кто был до него, почему она подошла в том, первом кафе именно к нему, и часто ли подходит к незнакомцам вот так, запросто, чтобы... Максимушка, остановись: ты ревнуешь ее, уже создал воображаемых конкурентов, а ведь она еще тебе не принадлежит, да и будет ли? Ты говоришь: не ревность, не страх остаться в дураках, а любопытство толкает выяснить эти вещи? Но ты, все же, не выясняешь... Что мешает? Вот она: сидит рядом в американском баре (таджик только что принес вам американское блюдо и два американских коктейля), она обнимает тебя, не пошло, но, вроде бы, так, будто не может без тебя жить, или это алкоголь, но она, как и прежде, совсем не пьянеет, да и пьет мало, а ты, если хочешь, начни пытаться ее вопросами, которые, ты знаешь, поставят только больше вопросов, это ведь всегда как лабиринт недосказанностей, саморазвивающийся – нашел выход из одной части, чтобы заблудиться в пяти других...

Ты никогда не будешь расспрашивать. Ты уже, извините, слишком хитрый. Ты играешь в десятки игр, сделал такой выбор, видя их тщету, выхолощенность: твоя профессия, твой карьерный рост, твои достижения, твои убеждения... Ты почти ни во что не веришь. Только в турку крепкого кофе по утрам...

И сейчас соглашаешься еще на одну игру просто потому, что она не худшая. «Можно и не умирая, оставаясь подлецом, нежным мужем и отцом...»

Или, быть может, ты предполагаешь: все серьезное, рациональное, планируемое, заготовленное непременно ведет к ошибкам и бедам; поэтому вход в настоящее, подлинное (по крайней мере, для тебя) – *через* абсурд, нелепость, дурачество, несерьезность? Возможно, ты так думаешь?

В гостях у мамы выясняются три вещи: отец Милены умер несколько лет назад от пьянства (увы, «бич нашего времени») и за несколько лет до смерти ушел из семьи; Милена – рантье (живет в собственной квартире, завещанной отцом, вторая, доставшаяся от бабушки, «Царство ей Небесное», сдается, третья – материна – когда-нибудь тоже отойдет к Милене); мать и дочь – действующие православные.

Коротко поведал о себе (да много и не спрашивалось): родители – в провинции; он в Москве десять лет; устроился превосходно; всем обеспечен; а self-made man.

После визита они едут в трамвае, Милена нежно смотрит на него, целует, идет снег, и Максим погружается в радость: он понравился матери (огромный букет ни при чем); они верующие – и он ведь тоже (ведь тоже?); три квартиры – все в центральных районах...

О последнем: разумеется, их соблазнительные квадратные метры никогда не будут твоими. Но ты, разумеется, и сам этого не захочешь и не будешь добиваться... Встречаясь с нею,

ты ведь и не думал о материальном. Ты везде и всегда платишь... И как хорошо, что ты сказал ей о женитьбе (пусть в шутку) задолго до того, как узнал о недвижимости...

...Теперь понятно, почему Милена работает на четверть ставки (в том же издательстве, что и мать) и не перегружает себя... Только не надо приписывать ей лень... Представь себе: много бы делал *ты*, имея три квартиры в пределах Садового кольца?..

– Мой милый понравился маме, – говорит Милена, не сводя с него глаз. От ее взглядов ему делается почти дурно, он приучил себя делать вид, что не замечает этого голубовато-серого света (на лице такой красоты, которой он не заслуживает, не заслуживает!), света непостижимого мира за ним, напуская на себя излишние сдержанность и прохладность.

– Я знаю.

Трамвай покачивает, идет снег...

– Ты все еще хочешь жениться? – она улыбается.

– Не уверен. Хотя, возможно. Но только ради жилплощади...

Она замахивается на него, замах тонет в ее смехе, возглас «ах, ты!..» тонет в ее смехе, он улыбается, она прижимается и целует; поцелуй – как затяжное падение.

* * *

Начинается Рождественский пост.

Так, все-таки, по-настоящему? Максим ищет доводы «за» и «против». Он регулярно бывает в гостях у ее матери, каждый день встречает Милену после работы, и они либо идут в ресторан, либо (если она не голодна) немного гуляют и едут к ней. У нее время течет не так. Нет-нет: только когда закончится пост, говорит она, осаживая его нетерпение. Несколько раз приходится повторять это строго. Что-то смотрят по телевизору, слушают музыку, пьют чай в кухне. Просто сидят. Полулежат. Дурачатся. Бесконечные поцелуи. Стадия «резвящихся щенков».

В квартире полно икон, как и у ее матери. Что значит: православные? Фанатизма нет – хорошо. Умеренные. Постятся, хотя от празднования нового года не отказываются. Но – как у них с этой самой верой? Да, надо выяснить: как с верой у Милены? Игра, глубоко спрятанная, настолько, что ей с матерью кажется, что не играют?..

(Сам не веришь, вот и не можешь представить себе, что это могут другие.)

Милена читала «Смешные любви»? Ну конечно. Читала новеллу «Эдуард и Бог»?.. Знаешь, Милена, у меня была знакомая глубоко религиозного поведения, которая, когда я дал ей эту книжку и спросил позже, «какой персонаж в последней новелле тебе наиболее симпатичен?», ответила – «Бог».

– Такие люди, как Кундера... просто никогда даже не пробовали помолиться, – подумав, говорит Милена. – Мне кажется, им даже не приходило на ум, что они могут попробовать... ни разу в жизни... Бедные... А твоя знакомая – замечательная дура, поздравь ее с этим... У меня же с юмором порядок. Я вообще не тупа, прости.

– Что ты, что ты.

– Рассказ ничего... Только главный герой чрезвычайно, выигрышно умен по сравнению с остальными. Наверное, с таким alter ego автору было удобно и приятно. И фабула ладно скроена... слишком ладно. Заранее продумана до деталей... По-моему, Кундера писал эту вещь, ничего для себя не открывая... Это неспортивно.

Больше намеренно Максим ее не проверял. Пару раз они заходили вместе в храмы; пару раз он беседовал с ее матерью о посте – мелькали цитаты из Писания и святых отцов; всё очень просто, без нарочитости, здраво, без перегибов.

В само Рождество, правда, за праздничным столом, когда мать попросила Милену произнести тост, она (неожиданно) воскликнула:

– Я так жду, что когда-то все наши муки закончатся, и мы увидим, наконец, Христа и прижмемся к Его ногам!

Дальше все опять пошло спокойно, без вычурности. Однако Максим смутился. Какое-то время он обдумывает ее слова. Что в них: искренний порыв из глубины? Или, не дай Бог, изощренная шутка? Если так, то ей изменил вкус. В кои-то веки... Впрочем, вскоре он об этом забывает.

Вскоре он забывает обо всем. После Рождества, Максим, она становится твоей.

* * *

И вот перед ним другая Милена: Милена ночей. Эта Милена смотрит иначе, двигается иначе, иначе живет. В ней есть ярость. Тело ее поступает, как хочет, вообще, как угодно, без ограничений. Это пугает и радует. Он с нею обновляется, силы учетверяются, он превосходит себя девятнадцатилетнего и вообще любого прошлого себя. С нею он властвует над временем. Время превращается в какого-то жалкого человечка, которого выгнали из дома, заперли перед ним все двери. Теперь Максим спит едва ли четыре часа в сутки – и чувствует себя бодрее, свежее, сильнее, чем прежде.

Утреннее пробуждение – теперь только одна из приятных вещей.

Максиму стыдно: но он, вроде бы, счастлив.

Милена – не утренний человек. О, нет, не утренний. Когда он давно уже встал и принял душ и приготовил свой кофе и позавтракал и прошелся по воздуху (если не надо рано ехать на работу), она все спит, и разрушить ее сон бессильны и вкусные запахи, и яркий свет из-за резко запахнутых штор, и пушечные выстрелы.

Открыв, наконец, глаза, она долго приходит в себя, долго узнает мир, конструирует реальность заново. Он говорит ей в такие минуты что-то – она не реагирует. Это его смешит... Он уже в стадии отношений, когда недостатки и странности любимой обращаются в достоинства, когда в них находишь только милое, трогательное, смешное... Критичность притупляется.

В издательство Милена ездит к тринадцати часам, а если просыпается слишком поздно – не ездит вообще. Звонит маме и говорит, что разберется с порцией текущих дел дома, за компьютером, а отправит вечером – по электронной почте. Обычно мама спокойно соглашается. Что ж: немного кумовства. Но задания и вправду выполняются Миленой в срок.

Есть в ней... как сказать... (Максим подыскивает слова) не праздность, нет... здоровое наплевательство... Умение расставлять приоритеты. Верно, таково должно быть поведение каждого настоящего христианина. (Максим шутит, продолжая оправдывать ее.)

Сегодня она проснулась, осматривает, не вставая, еще неузнанную собственную комнату, он думает, ехать ли в контору, она ведь в свою точно не поедет, наконец она улыбается, потягивается, из-под шелка показывается грудь, он принимает окончательное решение... Да пошли все...

Он шагает к краю постели, и она откидывает одеяло движением автоматическим, будто отвечает на рукопожатие. Ему нравится, без раздумий, и это. Он погружается в Милену, и вскользь (с тенью улыбки) вспоминает прочих, бывших (не шлюх – а «приличных девушек»), каждая из которых, бесценная в своих глазах, не иначе как *дарила* ему себя; и тех из них, которые, намекнув на брак, всем видом и поведением показывали, что собираются преподнести дар максимальный, предельный, завершающий, окончательный – и осчастливить его – лишь тем, что отныне, каждое утро в ближайшие сорок лет, он будет просыпаться и видеть рядом одну и ту же *чудесную N*. Разве хотя бы одна из них сравнится с Миленой хотя бы в чем-то, если в мире любви и привязанности вообще есть параметры, подлежащие сравнению?!

– Милена – дурацкое имя, – говорит он, глядя на нее сверху вниз.

– Набор букв...

...

- Буду звать тебя Мадленой... или Марианной, – капли его пота капают ей на шею.
- Делай со мной, что хочешь...

...

- А так?
- Что хочешь...

* * *

Максим восстанавливается. Всё снова правильно и небесмысленно, как в девятнадцать. Всё получается. На службе фонтанирует идеями. Везде успевает, никуда не спеша. Массы перестают раздражать. В метро любитесь людьми. Всегда находит, чем полюбоваться. Формами черепа, например. Недавно помог слепому войти в вагон. Что может случиться?

Разве что подростки, курящие на лестничной площадке в ее подъезде, когда видят его, частенько хмыкают и бормочут себе под нос – но да это безобидные малыши, маленькие хохмачи и сплетники. И они хорошие...

- Почему тебя назвали Милена? Разве такое имя есть в Святцах? – шутит он, лежа рядом.
- Когда выбирали имя, мать еще не была православной, – Милена криво улыбается. – В восемьдесят третьем она была сотрудницей кафедры научного атеизма – корректировала их сборники. И делала одну глупость за другой...

- У тебя хорошая мама.
- Да... Одну глупость за другой...
- Например?
- Например, родила меня...

Он приподнимается на локте и смотрит ей в лицо:

- Не говори так.
- Молчу. У меня хорошая мама...
- С тех пор, как умер отец, у нее кто-нибудь был?
- Был... есть. Вернее, то есть, то нет. Один бородатый автор, моложе лет на десять, с которым познакомилась в издательстве. ...И она еще пытается меня учить!..

Максим задумывается. Оказывается, не так все у них гладко и безоблачно... Мгновенно воображает несколько странных, неприятных, страшных историй для прошлого Милены. Он, конечно, не мог позволить себе заглянуть в ее паспорт...

- Слушай, ты же не была замужем?
- Разве я не говорила, что нет?
- Говорила. Но сейчас я...
- Испугался? – она уничтожающе улыбается. – Боишься, а вдруг обнаружится, что у меня, например, есть ребенок, живущий у родственников, которого от тебя до поры скрывают?
- Прекрати.

Она встает (голое тело ослепительно сверкает – пора бы привыкнуть), проходит в коридор (к сумке), возвращается и бросает паспорт ему на грудь. Он бросает его назад, не открывая.

Он смущен. Неприятная сцена.

* * *

Так среди его счастливого бездумия (разве счастье – не бездумие?) появляются постепенно островки чего-то еще.

Она никогда не говорит о женитьбе. Никогда не говорит о детях. Что такое ревность, похоже, не понимает генетически. Казалось бы – радуйся... Он предлагает съездить летом в провинцию – познакомить ее со своими родителями.

– Я стараюсь ничего не планировать, – часто повторяет она.

– Ты бы хотела детей?

– Не знаю.

Он ожидал: «Конечно, дорогой».

– Почему? Мне кажется, ты будешь хорошей матерью.

– Мне кажется, ужасной.

Больше он к этим темам не возвращается. Они ходят в рестораны и парки, театры и кино. Практически все время они только вдвоем. У Милены нет подруг (есть одна – невидимая, с которой Милена училась в университете; они созваниваются приблизительно раз в месяц). Это же хорошо... Да?.. Разве Максим не считал всегда пошлыми эти «девичники», эти стайки, собирающиеся регулярно, перебивающие всем косточки в глупых беседах, этих самок, часами обсуждающих по телефону фасон халатика?.. У него ведь друзей тоже – раз-два и обчелся... К тому же, с возрастом множественные дружбы облетают, как цветы, чтобы уступить место иным вещам – вполне естественно...

Они сидят в четвертом ряду партера в модном театре – смотрят модный спектакль. Каждый билет – триста долларов. Ему они достались бесплатно – знакомая, антрепренер, работает с труппой. Во время действия Милена (в вечернем платье) прижимается, кладет голову на его плечо. На них посматривают. Жизнь обрела шикарный фасад, думает Максим.

После спектакля в фойе Максим находит знакомую, чтобы поблагодарить за контрамарки. Знакомая всегда рада достать билеты для него, это не проблема (когда-то она имела на него виды), Милена стоит рядом безучастно, Максим думает, что их надо представить друг другу, но Милена ничего не говорит (будто засмушалась), знакомая же деликатна и не затрагивает его спутницу – только на прощание проявляет вежливость отдельными улыбкой и кивком в ее сторону.

Они в метро.

– Дурацкий спектакль.

– Нет, нормальный. Сходить в театр всегда приятно. Спасибо, милый.

– Все в порядке?

– Да.

Подходит поезд, и под действием его шума Милена вдавливаясь в Максима, будто ища укрытия, вжимает пальцы обеих рук в его предплечье, зарывает лицо в его куртку. Женские шуточки – их надо сразу пресекать – с помощью шуток:

– Одолела поездophobia?

– Вроде того. Нет-нет, все хорошо.

Они входят в вагон, она не отпускает его руку.

* * *

Иногда по утрам он лежит рядом с ней (она спит беспробудно), и в голову затекают цифры, и он начинает их группировать, перекидывать, тасовать, как в занимательных задачах или шарадах. Например, так. Двадцать лет назад ему было десять лет. Смешно. Какие-то двадцать лет. Через двадцать лет ему будет пятьдесят. Смешно. Уже через двадцать лет. Вот она, впереди – двадцатилетняя полоска зрелой бодрости, без подростковых гормональных завихрений, но и без старческих болячек и усталости, с сочетанием скорости (еще) и опыта (уже). И в нее надо уложить много вещей, чтобы предыдущее и последующее срослось добротной, сло-

жилось в устойчивый дом, где каждый этаж будет на своем месте и жилец каждого этажа будет занят подходящими делами. Блядь.

Его охватил ужас (взгляд на спящую Милену успокоения не приносит – во сне она просто кукла, нет серо-голубого света глаз, ничего живого, кроме тепла тела и сопения – сопящая кукла), и, чтобы прогнать ужас, он идет в кухню варить кофе. Смотрит на свою турку и думает, что у него с туркой более богатая совместная история, чем с Миленой.

Смотрит, смотрит...

Вот вскипающая вода начинает пробивать себе дорогу наверх, через плотный кофейный слой, на поверхности его появляются пузыри, вода взламывает его, и они становятся одним...

Пора собираться на работу.

* * *

– У Милены слабое здоровье. Ты должен это понимать, Максим. Поэтому она и работает на четверть ставки, – говорит ее мать. Они сидят в кухне прекрасной давно обжитой просторной квартиры с высокими потолками, из окна видно очищенный от снега двор, детскую площадку, деревья, солнечно, февральское воскресенье.

– Вы изумительно готовите, – с улыбкой говорит Максим. Они едят безумно вкусные мидии с рисом, на столе еще много чего.

– Хватит, подлиза. Я пытаюсь говорить серьезно, – мать тоже улыбается. День слишком хороший для серьезных разговоров.

Милену молчит.

– Она легко утомляется. Только с виду – кровь с молоком. Ты должен это понимать...

– Я понимаю, – говорит Максим. Он чувствует себя чудесно. Вспоминает, что делал с Миленой всю ночь.

– Тот серьезный шаг, который вы запланировали на лето... Все в силе? Да, доченька?

– Да, мамочка.

Максим подтверждает кивком. Смотрит на Милену:

– У тебя слабое здоровье, милая? Вот бы никогда не подумал...

Ночью она чуть не сломала его. Он еле сдерживает смех.

Милену краснеет. Мать пытается разозлиться:

– Вы слишком быстро сблизились...

– Это плохо? – с вызовом говорит дочь.

– Надо было немного подождать...

– И превратиться мне в синий чулок?

– Синий чулок? Но тебе же всего двадцать пять...

Парочка смеется. Нет, невозможно даже напустить на себя серьезность или прийти в раздражение. Слишком хороший день... В дверь звонят.

На пороге (неожиданно) появляется бородатый литератор, ненадежный мамин ухажер. В руках – букет цветов. Вот сейчас пойдет настоящая потеха, думает Максим. Кажется, это называют ситуативной иронией: сначала пятидесятилетняя мать пытается наставлять «детей», потом появляется мужик, вертящий ей, как марионеткой, и она сама превращается в ребенка.

Меняются роли; или в ролях меняются центры тяжести. Милену и Максима превращаются теперь в критиков, защитников матери. Мать превращается в слабую, защищающуюся и защищаемую сторону, какой была дочь несколько минут назад. Бородатый автор, увидев Милену и Максима, остро сверкая черными глазами, с неудовольствием трансформируется – он пришел как игривый «молодой любовник» (сорок лет), пытающийся цветами и шармом загладить размолвку и восстановить общение, но присутствие дочери любовницы и жениха ее дочери заставляет стать одной ногой на позицию эдакого полутотчима, демонстрируя «серьезную» заботу о

«семье», а другой ногой стать на почву соперничества одного самца с другим – влетаются сюда и ребячество (в вазе он видит букет, принесенный Максимом, – в три раза больше принесенного им), и реальные опасения (недаром злое сверкание глазами) – через меркантильные мысли о квартирах и инстинктивно-животные мысли о защите территории в более широком понимании, доселе обозначавшейся им как «собственная»... Ему явно не хватает ног...

Час абсурда. Мать представила мужчин друг другу – литератор с силой стискивает руку Макса. Далее они сидят все вместе за большим кухонным столом, бородач старается вести себя по-хозяйски. Обращаясь к матери Милены, он каждый раз приколачивает ее обращением на «ты». «Подложи мне еще мидий»... «Давай»... Она все более теряется и говорит все более односложно. Бедная... Судя по всему, литератор – нет, не алкаш – но не дурак выпить. (Максиму нравится работа опыта: многие вещи он определяет с полувзгляда – повод для гордости...)

Именно час. Этого времени, по оценке Макса, достаточно: в этом часе и внешняя интеллигентная вежливость (которой, конечно, никого не обманешь), и демонстрация собственной уверенности и силы (никуда я спешно отсюда не ретируюсь, ты, бородач болван, подло поступающий с несчастной одинокой тетенькой), и возможности для проявления ума, начитанности, едкости...

К концу часа Милена (ее особенность) становится безучастной, рассеянной (наверное, такие испытания обществом для нее тяжеловаты) – и Максим принимает, наконец, решение уйти.

Все мило прощаются. Снова мужское стискивание рук. Занавес.

* * *

Примирение матери с любовником состоялось, и после того воскресенья Милена и Максим перестают у нее бывать. Бедная пятидесятилетняя девочка переживает очередной медовый месяц.

– Она теперь говорит мне только одно: слушайся Максима, он хороший, – Милена смеется, кладя телефонную трубку. – Он – твоя опора, и так далее...

– Вот как, – Максим завязывает галстук перед зеркалом. Милена подходит к его пиджаку, висящему на спинке стула, и начинает чистить его специальной щеткой, хотя пиджак абсолютно чистый. Как далеко все, однако, зашло. В какой стадии отношений они сейчас? В той, которой у него еще ни с кем не было.

Лучше думать о работе.

* * *

В Великий пост Милена соблюдает чистоту. Спят отдельно. Нет, она точно послана ему свыше – направляет безвольного мужчичку в нужное русло. Ладно, шутки в сторону. Наверное, это очень полезно для приведения мыслей в порядок. Она дает ему возможность оглядеться – ведь не за горами последний важный шаг... Но на поверхности элементарное объяснение – начался пост... Милена проста, как голубь, и мудра, как змей.

В первую неделю он вполне спокоен. Потом становится немного раздражительным, досадуя сам на себя, так как понимает причину раздражительности и, следовательно, свою примитивность. Постоянно уговаривает ее, игриво рассуждает о степени строгости разных дней поста. Провоцирует шаловливыми выходками.

На третьей неделе (встав ночью выпить воды и проходя по коридору мимо ее комнаты) он, всегдадвигающийся по-кошачьи тихо, подсмотрел, как она молится. Максим с изумлением

прочитал в ней муки – сильно зажмуренные глаза, стискивание кулаков – и отступил со своими соблазнами, устыдившись.

А тут еще приходит новость о срочной командировке в Шанхай. Через несколько дней он вылетает из Шереметьево – со смешанными чувствами. Доверие начальства, оплаченное путешествие – приятно, конечно, но... Смена обстановки – вот что действительно необходимо. Это одновременно и маленькое облегчение тяжести нахождения рядом с ней без возможности прикоснуться, и маленькое испытание, думает Максим, ощущая, как быстро он отдаляется от Милены. Судя по информации на экране – со скоростью девятьсот восемьдесят километров в час.

* * *

Самолет, получивший в компании «Аэропарк» название «Михаил Лермонтов», – старый *Боинг 747*: на таких еще в шестидесятые летали за границу его дедушка и бабушка... Покупают наши всякую рухлядь. В салоне пластик пожелтел от времени. Известно: поэт Лермонтов был склонен к саморазрушению. Максим надеется, что с его тезкой дело обстоит иначе. Хотя в каждом полете (это, наверное, его сотый) он подзадоривает себя мыслью: а что, если?... Хе-хе...

Половина русских пьяна. Нескольких он заметил еще во время посадки. Служба безопасности запросто их пропустила. Максима попросили оставить пластиковую бутылку минеральной воды. «Не положено». Но даже не заглянули в портфель – там могло быть все, что угодно...

Его место в среднем ряду, рядом с русской дамой. Слава Богу. Немного общения – из вежливости – а дальше он отвернулся: притворился, что спит. Москва и всё что в ней – исчезает. Вправду: где всё? Вокруг только галерея с полукругом потолка и рядами сидений, и двумя проходами, и рядами амбразур по бокам, и появившийся солнечный свет за ними, и мяуканье китайцев, и пьяные потешно-ксенофобские пассажи на русском в их адрес, он действительно засыпает...

Над центральноазиатскими горами ужасно болтает... Сон становится мучительным.

Пять утра «по Москве», аэропорт, в сравнении с которым Шереметьево кажется захолустной грязной дырой, таможенные формальности быстро пройдены, такси везет в Пудонг, в гостиницу, дороги ровны и почти пусты, попадаются только такси, снаружи пальмы, влажно, и воздух пахнет странно, будто растительной гнилью, и на каком-то перекрестке на окраине (загорелся красный свет) подходит бедняк и сует в окно связку шевелящихся черепах. Водитель вступает в торг...

Пудонг – территория сверкающих небоскребов. Это размашистое подражание «даунтаунам» американских мегаполисов с привкусом потемкинской деревни. Попытка воспроизвести город в европейском понимании: «мы тоже можем». Хотя небоскребы – ничего не скажешь – настоящие.

В гостинице китайцы кланяются, стелятся коврами по коврам, боготворят. Мгновенная регистрация, потом, по пути в номер, в лифте (швейцар несет чемодан), девушка-портье объясняет, где находится Конгресс-центр: напротив знаменитой башни *Oriental Pearl*. Она берет его карту и обводит на ней нужные адреса. Таксист говорит по-английски, только если на его лицензии нарисовано четыре или пять звездочек... но таких мало, извиняющимся тоном объясняет она. Максим дает обоим несколько долларов.

В номере принял душ (вода пахнет водорослями), переоделся в костюм и отправился, не завтракая, на открытие конгресса. Несколько часов там – и все дела сделаны: после торжественного общего заседания он встретился с нужными людьми, пожал нужные руки, побеседовал «в кулуарах», получил необходимые бумаги и подписи, сфотографировался с президентом Федерации – и все. Оставшиеся четыре дня – свобода...

Он стоит перед застекленным до пола окном – внизу река Хуангпу. За таким же окном справа – основание знаменитой башни Oriental Pearl, которая опостылевает через пять минут созерцания.

Он идет прогуляться по улицам. Заглядывает в пару магазинов. В банке покупает юани. Дальше – скука. Начинается дождь. Он ловит такси и едет в отель.

* * *

К концу дня Максим успеваешь выспаться. Он прикидывает, который час в Москве, и звонит Милене. Долетел хорошо, гостиница отличная, скуваю. Передай привет маме. Целую.

Он голоден: спускается в ресторан, в котором китайцы пытаются готовить европейские блюда. И очень расстраиваются, если у них не получается. Кофе заваривают на местной воде. Что ж... Придется обходиться без любимого напитка.

Он сидит за столиком. Ресторан пуст; кроме него – американская семья (молодые родители и маленький ребенок). Родители довольно раздраженно объясняют, что такое French Toast, когда им приносят обычные гренки. It goes with an egg, you see?..

Максим смотрит на них. Вспоминает свою давнишнюю американскую любовницу (он мог бы сейчас сидеть на месте папаши и отчитывать официанта). Канадскую. Колумбийскую. Финскую. Всё то была сплошная экзотика. Азиатки у него тоже, разумеется, были.

...Да что такое вообще любовь?!. (Он с досадой бросает салфетку на стол – китайцы испуганно принимают это на свой счет.) Разве можно любить женщину так, как всех людей любит Бог?

Наша любовь к женщине это круг. Очерченный рассудком, предрассудками, культурой, отпечатками детства и тысяч предков, мнением окружающих. А иногда и одним кварталом.

Сумел бы он полюбить девушку бедную? Безусловно. Глупую? Да. Очень некрасивую? Возможно. Мусульманку? Кто его знает. Китайку (женщину из страны, где нет городов, музыки, поэзии – такими, какими он их понимает)? Не уверен.

Китайку-мусульманку?..

Одноногую?..

Хотя, зачем заходить так далеко? Как насчет просто очень высокой девушки? Скажем, ростом метр девяносто пять? Его рост – метр семьдесят восемь. Ответ однозначный: нет, это просто *невозможно*. Они же так нелепо смотрелись бы рядом... Он не сумеет ее поцеловать без смеха...

Итак, дамы и господа, поаплодируем человеку: мелочи для него куда важнее любых убеждений и философий. Последние выбираются в готовом виде либо подгоняются, выкраиваются задним числом под эти мелочи. Новая теория.

Отобедал. В лифте с ним поднимается расфуфыренная ярко накрашенная китайка – скорее всего, проститутка. Поглядывает на него, призывно выставя ногу. Максим воображает *настоящую любовь к ней*. Нет, возможна только телесная близость. Несколько мгновений ему даже хочется взять ее за руку и поволочь в номер... Делается смешно.

Каждая женщина, которая с ним спала, была женщиной вообще? А Милена стала женщиной, отставленной от всех? Принцип всеобъемлющей любви, универсальности любви наталкивается на уникальность объекта любви и необходимость отделить его от всех, сделать всех остальных фоном, и ломается, как клинок о камень. Максим перестает себя понимать и, на всякий случай, усмехается вслух. Расфуфыренная девушка презрительно отворачивается.

В номере большой телевизор (он включает его негромко, для фона), огромная кровать, шикарная ванная комната (оплачивая командировку, в бухгалтерии не вникали в детали – вот насколько ему доверяют!)...

Оставшиеся дни он не ездит на заседания, засыпает и просыпается по московскому времени, почти не покидает гостиницу.

Перед вылетом китайские таможенники находят в его ручной клади крохотную пилочку для ногтей. «Такие предметы нельзя проносить на борт». Молодцы! Очевидно, этот запрет односторонний...

В Москву его доставляет умирающий «Антон Чехов».

* * *

А там – неожиданная апрельская оттепель. Все тает, течет, падает с крыш. Столица в ярком, ярком солнце.

– Милена? Это я. Я прилетел.

– Уже прилетел? Ну-у хорошо-о, – она явно не проснулась, хотя на часах двенадцать двадцать. – Ты ко мне прие-едешь?

Максим представляет себе, как она потягивается, лежа под шелковым одеялом.

– Ну... да... Сразу? Или позволишь заскочить домой – бросить вещи?

– Как хочешь... Купи по пути зеленого чая, у меня закончился.

Неподражаемая.

По пути он решает, прежде всего, все-таки, отвезти документы на работу – чтобы сразу отделаться от начальства и попросить оставить его на пару дней в покое. Потом отправляется домой, где принимает душ и звонит матери своей и матери Милены, которая, оказывается, в Питере, в гостях у родителей бородатого литератора. Ха-ха-ха.

Он уже собрался, надел любимый легкий плащ – так неожиданно тепло в апреле... Звонок. Это Милена:

– Привет! Ты уже прилетел?

– Да. Шутить изволите?

– В каком смысле?

– Я же тебе звонил.

– Ах да. А я думала – мне только приснилось.

Нет, она бесподобна.

– Через сорок минут буду у тебя.

Он едет в метро. В кармане – коробочка с золотым сувениром из Поднебесной. Людей не много. Он немного взволнован. Радость вперемежку со страхом. Всю жизнь ты был храбрым трусом – да, Максим?

Выйдя из станции в любимом районе, ее районе, он с упоением вдыхает слегка загазованный влажный воздух – родина, и никакой тропической гнили. На привычном месте – ларек «Цветы», где он привычно покупает букет. Затем – в бакалее – упаковку зеленого чая. Один двор, другой. Приятно шагать по дворам. Звонок:

– Аллю! Ты сегодня приедешь?

– Однако ты нетерпелива, – он смеется. – Я уже в трех минутах ходьбы от твоего дома.

– Купи зеленого чая.

– Уже купил.

Сердце его начинает учащенно биться.

* * *

Он сразу понял. Только она открыла дверь. Да, только она открыла дверь. Только открыла дверь.

Вот в те секунды. В ту секунду, когда увидел ее глаза. В долю секунды. Или – это еще тоньше, чем любая измеримая единица – была насечка на ленте времени, когда он понял.

Но – по закону бытия – все превращается в *процесс*. ... Когда рождается человек?.. Покидая утробу матери? Или обретая в утробе человеческие черты? Или при слиянии сперматозоида с яйцеклеткой? Или когда родители (по крайней мере, один из них) решают завести ребенка?..

Когда рождается мысль?

Мысль Максима о том, что в глазах любимой – безумие.

Первый его вопрос – такой естественный:

– Что с тобой?

Она поворачивается спиной. Она странно одета. Черт знает как.

Она двигается на полусогнутых ногах, медленно, и, чтобы ответить, поворачивается всем корпусом – будто не способна менять положение головы с помощью шеи:

– Что со мной?.. Все в порядке. Или что-то не так? Может быть, у меня волосы зеленые?..

Он натянуто улыбается:

– Нет, конечно.

Дальше – пять часов кошмара.

Она говорит бессвязно, бросая темы. Путаает слова, факты, даты. Повторяет одни и те же действия.

В следующей последовательности: «ты голоден с дороги – пойдем обедать»; разогревает еду, ставит тарелки; он начинает есть, она лишь пьет чай; идут в спальню; она говорит «я тебе такая не нравлюсь» и начинает переодеваться, координация подводит, пытается надеть трусики поверх джинсов, бюстгальтер поверх халатика; он останавливает ее, старается помочь; она замечает – что-то не так – ее душат рыдания; поход в ванную, где она тщательно и долго вытирает остатки косметики, а слезы рекой; обратно в спальню – измученная, говорит, что хочет спать, ложится в кровать и задремывает.

Через пятнадцать минут просыпается – и все повторяется...

Каждый раз он старается ее «вразумить» – мы уже ели, ты уже переодевалась...

Бесполезно...

На четвертый раз он, сам сходя с ума, когда она опять разогревает не успевающую остывать еду, отводит ее от плиты и трясет за плечи:

– Милена! Милена! Милена!

Она смотрит сквозь него.

– Милена! Очнись! Посмотри на меня! Да что с тобой! Когда это началось? Что ты приняла? Боже, Ми-лена!!

Его крики чудом возвращают ее издалека – она словно трезвеет (о, ненадолго).

Ее короткая исповедь: первые приступы в тринадцать лет; в вузе училась кое-как; худшие месяцы – ноябрь и апрель, хотя в промежутках она – абсолютно нормальный человек (попытка улыбнуться); потому-то у нее нет друзей (набегают слезы); она всегда была одинока; чертовы родители зачали ее, небось, по пьяни (слезы струятся); она недоношенная (рыдания); всегда одинока, но появился он; теперь, когда Максим увидел *это* – он «пошлет ее на хер», ведь *такая* – никому не нужна. Милена в истерике, момент просветления заканчивается. Она проваливается обратно в болезнь. Как сквозь все зеркала, вспоминает он.

После восьми она засыпает, наконец, крепко, до утра.

Он звонит ее матери. Рассказывает. Какой ужас! Нет, ничего такого раньше не случалось. Она выезжает домой ближайшим поездом. Скорую? Ни в коем случае. Ее же увезут в больницу. Напичкают сильнодействующими препаратами. Только не это.

* * *

Может быть, утро принесет что-то хорошее, Максим? Может быть, утро подарит ей облегчение?

Ты провел ночь без сна – и мозг твой искрился от перегрузки. Ты лихорадочно сопоставлял тысячи деталей, впечатлений, обломков разговоров, начиная со дня знакомства, хлопал себя по лбу, вскрикивал «Слепец!», подпрыгивал с дивана и подходил к ней и вглядывался в ее лицо. И говорил вновь – «Ну конечно же!.. Слепец, слепец!»...

На рассвете она зашевелилась. Потянулась, откашлялась. Открыла глаза (ее прежний серо-голубой свет). Увидев его, радостно бросается на шею:

– Милый! Ты вернулся! Когда прилетел? Ночью? Почему не разбудил?

– Ты крепко спала.

– Мне надо умыться и привести себя в порядок.

Она скрывается в ванной и, судя по звукам, чистит зубы и принимает душ. Позже шумит вода в унитазе.

Наконец, она появляется – сияющая, свежая, прекрасная...

(Мир собирается воедино. Будто ничего не было. Ничего и не было.)

– Так почему ты меня не разбудил? – она улыбается, вытирая волосы полотенцем. – И почему прилетел раньше?

– Какое сегодня число? – холодно спрашивает он.

– Седьмое.

– Нет, восьмое.

– Этого не может быть...

Он протягивает ей мобильный телефон. Она не верит. Смотрит в свой телефон, в электронный календарь. Включает компьютер, чтобы заглянуть в интернет.

– Я что: проспала седьмое? – она тоже уже все понимает, но не хочет признавать правду.

– Нет, ты не спала.

– А что же я делала?

– Ты не помнишь? Тебе... было плохо...

Наверное, не надо было это говорить: она снова выключается, проваливается, взгляд меняется...

– Странно, что все часы идут неправильно, – заявляет она.

Он сидит еще рядом с ней, но уже бежит; он еще беседует с ней, терпеливо пытаясь нащупать дорожку к рассудку, но уже пустился наутек, сломя голову; приезжает ее мать (белая, как полотно), и он с великолепным спокойствием встречает ее, спокойно все пересказывает, давая тыл (она благодарит); он еще полчаса остается с ними, но уже давно удрал; говорит о необходимости обследования, а сам мчится и мчится прочь со всех ног...

* * *

Итак, все кончено, Максим. Милены больше не существует. Ты вычеркиваешь ее из своего будущего. Ты же не хочешь переломать себе жизнь. Две недели спустя звонит ее мать: Милена полностью поправилась, ничего подобного с ней раньше не было, она очень переживает из-за того, что тебя нет рядом. Тра-ля-ля.

Тебя нет рядом, Максим.

– Милена мне все рассказала. Она больна с детства. А вы это скрывали.

– О нет, у нее легкая возбудимость, сильная утомляемость, да, но не больна...

– Хватить брехать.

– Ну а как же ваши планы пожениться?

– Какой диагноз? Врачи Милене не нужны, потому что вы и так все знали, не так ли?

Ну: какой же?

– Ты жестоко с ней поступаешь...

– Биполярное расстройство?

– Она страдает без тебя...

– Шизофрения?

– А как же готовность нести свой крест...

– Крест должен быть по плечу. А теперь диагноз! – кричит в трубку он.

– Милена с детства пьет лекарство, – мать называет препарат, не решаясь произнести вслух главное.

– Просто назови диагноз!! – орет Максим.

Мать вешает трубку...

* * *

И вот проходят полтора месяца. Он один. Ничего не происходит. Разве что – как-то ночью – плохо. Банальный скачок давления, но все равно – неприятно. На Страстной неделе схематично исповедался и причастился.

Пасха.

Как переживший землетрясение, он радуется просто спокойствию, размеренному существованию. Молится, как молятся проученные, не совсем понявшие, за что; не понимающие, но ощущающие вину. Немного кофе по утрам.

В теплый майский день он приезжает по рабочим делам в отдаленный район. Странно, но раньше никогда в нем не бывал. Здесь располагается фирма, с которой его контора ведет переговоры. Полчаса беседует с руководителем. Успешно.

Покинув офис, он решает немного пройтись. Он бредет по улицам, читает их названия, смотрит на пыльные тротуары и деревья. Когда надоедает – ищет автобусную остановку, чтобы добраться до станции метро.

Ветерок доносит фрагмент разговора. Девушка, сидящая на скамейке внутри остановки из прозрачного пластика (Максим видит ее издалека, со спины), обращается к проходящему мимо пожилому мужчине:

– Извините, вы не проводите меня домой?

– Что?

– Вы не проводите меня домой?

Максим застывает. Он не решается сделать ни шагу. – Обдолбленная, что ли? – бросает мужчина, удаляясь. – Ну и глазки!.. Наркоманка!

– Ну вот, оскорбили, – вздыхает девушка. Сидя, она начинает слегка раскачиваться, будто что-то напевая.

Теория вероятности... Максим вспомнил, как в детстве пятнадцать раз подряд угадал, что выпадет: орел или решка. Каким образом она оказалась здесь, в двадцати километрах от своей квартиры? Какие у нее могли быть здесь дела? И надо же было ему (впервые!) приехать в этот вонючий пыльный район... А впрочем, стоит ли задаваться вопросами? Надо бежать, бежать (не в первый раз). Не реагировать на эту издевку судьбы – вон там поворот на проспект, пройдешь незамеченным, спустишься в метро, сядешь в поезд...

Он все еще воображает себе план отступления, но решение уже принято; мысленно он добирается уже до укрытия подземного перехода (видит стеклянные двери метрополитена), но стопы приближают его к автобусной остановке; и вот он обходит автобусную обстановку и предстает перед ней.

Прекрасный шанс *посмеяться над игрой*. Судя по всему, он им воспользовался.

Она поднимает на него глаза.

– Милый. Ты пришел за мной?

Кивает.

– Ты пришел, чтобы отвести меня домой?

– Да. Не плачь, – он обнимает ее за плечи. – Сейчас я поймаю такси.

– Представляешь, меня называли наркоманкой... А я просто попросила проводить меня домой...

– Вставай. Поехали.

* * *

С одной стороны, всё – это, конечно, процесс. Но с другой – есть эти насечки на времени, которые процесс запускают. В принципе, он мог бы еще десять раз передумать (о, всю дорогу в такси он колеблется!). Он мог просто доставить ее в квартиру, убедиться, что она не собирается повторять самостоятельную вылазку, позвонить ее мамаше и – исчезнуть.

Но он остается.

Ведь тогда, приближаясь к остановке, он вдруг решил не играть – один раз, хотя бы один раз. И дальше все уже невозможно изменить.

В августе они женятся. Болезнь у Милены в легкой форме. Врачи (Максим протащил ее по лучшим специалистам) в один голос уверяют, что динамика положительная. Динамика – положительная. Но его родителям лучше правду не открывать, хорошо? Милена соглашается.

Пробегают год. Рецидивов нет. Они живут нормальной жизнью. Заводят кошку. Наслаждаются друг другом. Совсем стирается разделение между «твоим» и «моим».

А через год, осенью, она на неделю становится неузнаваемой. Он терпеливо ее вытягивает. Это не Миле-на. Он верит, что динамика положительная.

После она грустная и молчаливая. Очень рациональная. Старается все делать слишком правильно – это бросается в глаза.

Так сезон за сезоном всё то рушится, то восстанавливается. То периоды затишья, то кошмара. ...Максим замечает, что (даже наедине с собою) производит все более сильное свечение – это ореол смущенного смирения – от ощущения бессилия; и от предвосхищения неизбежных разговоров с кем бы то ни было о *его положении*. Он хранит в себе тайну, которую знает весь свет.

Откуда-то на работе все знают. И его родители откуда-то знают. Есть такие люди – профессиональные распространители слухов. Они не плохие, нет: они просто созданы, живут, чтобы раскапывать и передавать информацию. Они делают это инстинктивно – как животные. Максима в лучшем случае жалеют, хотя жалость – последнее, что ему нужно. Да и ей тоже.

Почти всегда они только вдвоем. Редко выбирают куда-нибудь в общество. Например, на вечеринку. Болтают, танцуют, потом решают уйти пораньше. «Конечно-конечно», – с особенным участием качают головами окружающие.

Так пара обретает печать: сумасшедшая (хотя никто из болтунов не видел ее не в себе) и ее несчастный муж, носящий ее на руках. «Вот как бывает...» «Да...» «И детей нет...»

И вот он идет по заснеженной улице и понимает, что уже стар и – вдруг – что Милена умерла, сильно страдала в последнее время, и динамика давно уже не была положительная, и как ему нестерпимо тяжело, заставляет себя идти, с трудом делает шаги, а ведь сегодня какой-то особенный день, особенный, но какой, он силится вспомнить, он слишком подавлен, слишком раздавлен горем, суета, зачем куда-то идти, он понимает, что находится на Чистопрудном бульваре, тут его осеняет – день рождения, ему пятьдесят, он ищет Итальянское кафе, из кото-

рого он стартовал двадцать лет назад и которого, конечно, давно нет, и осознание того, что кафе нет, приносит горе предельное, большее, чем осознание смерти жены...

Он просыпается. Пасмурный свет из окна. Милена спит рядом.

Тектоника

Время от времени они оказывались в одной компании, в основном, по вечерам. Хотя они и видели там друг друга довольно регулярно, друг о друге они не думали.

Вот она: что, зачем и в каких пропорциях к другим мыслям может думать о нем она?

Если бы мы ее спросили еще зимой, она пожала бы плечами и ответила: «Не знаю даже». «Не знаю даже».

Она не врет. Этот Паша – знакомый ее мужа; иногда играет с ними в карты (если собираются дома) или разглагольствует обо всем на свете за бутылкой вина в ресторане. Не знаю даже. Ну, слегка экзальтированный. Но это – черта многих гуманитариев. Их хлебом не корми – дай почесать языком. Тоже черта гуманитариев. Видишь? Ты все-таки имеешь о нем какие-то соображения. Смешно.

А что бы он сказал в ответ на обвинение в пустословии?

Он сказал бы наверняка:

– Ну а я считаю, что говорить – самое главное... Нет-нет, не поучать, не делиться знаниями, не искать в спорах истину – просто говорить. Это, в принципе, самое серьезное и стоящее занятие в мире. Говорить – и что-то для себя открывать. Являть себя себе через слова.

Да, что-нибудь такое сказал бы и отпил вина:

– Ведь что сделал Бог? Создавая мир, Он нащупывал в нем разное, сконструировал, наконец, нас (остановился на нас, почувствовав – «То, что надо!»), дал нам представления об идеалах – и так самовыразился...

Его приятели все захихикали бы. Они его любят и даже относятся с почтением, считают (почему-то) самым умным. Эта почтительность к сверстнику (и не самому удачливому) – раздражает. О-о, как смешно. Ты даже и чувство к нему имеешь: правда, лишь раздражение...

(Раздражение – чувство или эмоция?.. ладно, не важно.)

Паша одевается дорого и хорошо, это заметила сразу. Но понятно также, что обновление гардероба – предел его финансовых возможностей. Он ездит в метро, квартиру имеет за пределами Москвы, маленькую, и порою в ресторанах не заказывает ничего, кроме чая, так как рискует не дотянуть до начала следующего месяца и новой зарплаты. Ее муж познакомился с ним, когда, будучи уже женат на ней и имея прекрасное образование, решил (для престижа) получить еще один диплом. Паша преподавал ему английский язык.

Они сблизилась на почве вина и болтовни. Паша влился в круг друзей мужа и привел в него нескольких своих приятелей. И вот – который месяц – посиделки, карты, обсуждение книг и политики, философия.

Она ничего не может поделывать – но чувствует превосходство: ее муж – состоявшийся юрист, работающий в огромной международной компании. А они все, даже его коллеги – птички полетом пониже; о Паше и сотоварищах и говорить нечего. Она немного досадует: она ведь просто приехала когда-то в Москву из Хабаровска – писать диссертацию, ее отец – «косматый геолог», мать – библиотекарь, и все, что имеет она – от мужа; но когда она выходила за него – его ситуация была далеко не очевидно-блестящей, так что... В общем, она успела шагнуть на несколько ступенек вверх, изменилась, и прошлой ее нет, и на периодические взгляды сверху вниз она имеет полное право... Что говорить: недавно даже познакомилась с Чулпан Хаматовой – да, с великой актрисой (Боже, какая харизма!), правда, стояла на том фуршете в толпе, среди свиты, но их представили, и они перебросились парой слов, Чулпан говорила, что устала после поездки по детским домам – занималась благотворительностью, и идея давать помощь слабым бедствующим детям показалась ей изумительной, достойной подражания, и дело, конечно, не в детском обожании Чулпан... Глуповато, правда, называть ее направо и налево по имени – «Чулпан сказала мне», «Чулпан уехала сейчас на гастроли» – знакомство-то

шапочное, они виделись один раз (она опять на себя досадует), но окружающие, кажется, не замечают этого, с восхищением слушают ее рассказы о «Чулпан, которая ей сказала»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.